

— беседы о мастерстве —

Актер — очень трудная, изнурительная профессия. И если говорить не о случайных людях на театре, то для многих тайной остается — как артист выдерживает высокое творческое горение на длинном пути? Понятно, что прежде всего действует такой могучий «двигатель», как призвание. И любовь к этому призванию. И все-таки одного вдохновенного горения мало. Дело еще и вот в чем. Да не покорит никого в изящном ряду металлическое слово «дисциплина». Творческая дисциплина — дело не менее таинственное, чем магия «всплеска вдохновения».

Сегодня мы пригласили к разговору народного артиста РСФСР Армена Борисовича ДЖИГАРХАНИЯ.

Армен
ДЖИГАРХАНИЯ:

ГДЕ ВЗЯТЬ ВДОХНОВЕНИЕ?

— Итак, Армен Борисович, творческая дисциплина.

— Я не думаю, что вас интересует вопрос — нужна она или нет?

И тем не менее в прихожей театра не вывесить объявление: «С 12 ч. до 15 ч. — вдохновение».

— А если серьезно?

— В моей жизни, может, к счастью, был только один Учитель — профессор Армен Карпович Гулакян. Профессор во всех отношениях. В любую адскую ереванскую жару на нем был строгий костюм. Белый крахмальный воротничок и белые крахмальные манжеты четко сверкали. На режиссерском столике всегда была постелена опрятная скатерть. Он клал на эту скатерть часы с руки, и репетиция начиналась.

Он не требовал от нас «фортиссимо» с первых же минут. Но мы при нем не могли себе позволить «раскачку» на репетиции (я уж не говорю про спектакль). В его присутствии из головы моментально уходили симпатичные воспоминания о вчерашнем приятном вечере и прочие административно-хозяйственные заботы семьи. Он не требовал от нас сиюминутного чародейства, но он требовал начинать работать.

— Дружно маршировать — научить можно. Но ведь на сцене даже в маленькой роли каждый — солист.

— Армен Карпович знал цену вдохновению. Но прежде всего он нас учил работать. И дело не только в том, что вдохновение приходит лишь к трудящемуся. Но и в том, чтобы мгновение вдохновения не застало тебя врасплох, чтобы в любую дольку жизни ты был к нему готов.

Лучше всех в сфере искусства это понимают мастера цирка. У них на «раскачку» времени нет. Клоун вышел на арену, и через мгновение зал должен трепетать. Гимнаст стоит наверху, и малейшее неточное движение обрушит его вниз. А вниз лучше не падать. Тигр идет на укротителя, и тому некогда думать о вчерашних встречах. И дело не только в собранности и нервах. Каждую секунду суток циркач держит себя в форме. Это мой идеал профессионала.

О вдохновении любят разглагольствовать зачашечкой кофе лодыри и бесталанности. Вот тут на них «вдохно-

вание» просто накатывает. А мастеру разговаривать об этом некогда. Он должен трудиться. Я как-то был на концерте моего приятеля, прекрасного пианиста. Ушел очень взволнованный. А потом, попозже (мы жили в одном доме), решил к нему зайти. Видимо, хотелось продлить, что ли, те ощущения. Что я застал? Дело не в том, что он не нежилась в воспоминаниях, а сидел за роялем и работал. Пианисты много работают. Меня поразила фраза: «Я всю жизнь боюсь забыть гамму». Если вы внутренне усмехнулись, то напрасно. Это осязаемо — бояться забыть гамму.

У нас молодых актеров плохо учат «секретам профессии» и преломлению этих секретов в творческой индивидуальности. Актером еще надо и уметь быть. Мы совершенно запутаны в громоздких терминах, а старики говорили просто: «Это вам не идет». И сколько умной сложности в этой фразе. В ней подсказка человеку найти себя. Не поэксплуатировать свои внешние возможности, а осознать свою суть. Это не про шляпку, которая идет или не идет. Умение понятно обучить, подготовить к тяжкому труду — вот что важно. И призвать к беспопадности к себе.

Нам не туманили мозги легенды о «самородках».

— Я знаю актеров, которые не в ладу с режимом жизни, режимом труда и тем не менее вполне могут порадовать великолепной ролью.

— Не будем сами себя обманывать. Жизнь актера состоит не из сиюминутных успехов: будь то одна звездная роль или блестящий выход в спектакле. Кому нужен спринтер на марафонской дистанции? Прекрасно пробежит сотню метров. А еще сорок два километра? Искусство великих потрясений не дорожит умением ежедневно поразить. Я сам могу вам привести примеры, когда выпивший актер взволнованно сыграл роль. Но разве это артист? Разве вы не находите разницы между умным собеседником и возбужденным собутыльником, как бы очарованно он ни был «вдохновенно». Это все скорее околотеатральные легенды.

Я очень люблю одного актера. Мог бы играть. Предпочел пить. Это, конечно, не тот случай, когда человек

век счастлив и безоблачен. Но такие взаимоотношения возможны только при высокой внутренней творческой дисциплине.

— Армен Борисович, ваша работа — это повседневный, духовный труд, душа должна трудиться. Но позвольте мне, может быть, бестактный вопрос — а не надоедает? Каждый день играть, жестоко тратить себя, говорить чужие тексты, не всегда вызывающие в тебе отклик.

— Я бы очень хотел ответить: не надоедает, ведь моя работа — моя радость.

Но тем не менее надоедает. Не исключены и более сильные ощущения, даже депрессия.

Я очень внимательно наблюдаю за нашими молодыми актерами Мишей Филипповым и Сашей Мартыновым (я близко играю с ними в одном спектакле). Как они полно отдают себя своей работе. Как они каждый раз себя беспокоят, а не просто участвуют в спектакле. И я очень тревожусь — не устали бы ребята, не надоело бы. Дело не в возрасте, усталость актера — не возрастной фактор. Она приходит периодически — работа надоела, роль надоела, партнеры надоели. Усталость приходит не от лени. Это особая категория. У Питера Брука есть выражение «неживой театр». Еще жив, а глаз уже пустой. Как бы попал в коюлю. А по ней можно ехать долго. Выбраться из нее трудно. Тут может спасти только опыт, именно творческая дисциплина, умение себя пересилить.

И не надо искать дурацкие способы самоутошения. Не надо горе ни в чем топить, не надо подтачивать себя «автономными страданиями». Вот сколько всего прекрасного: книги, музыка, улица с деревьями, любимые люди. Вот к ним и надо убегать от «инфаркта». И все пройдет. И надоест период «надоело». Жизнь — хорошая штука.

— Итак, что же такое творческая дисциплина? Умение себя преодолеть? Умение подчиниться общим интересам? Умение делать, чего не хочется? Все какие-то не вдохновляющие занятия.

— Вот и вас потянуло на вдохновение.

Я совершенно точно знаю, где его, вдохновение, искать. Мой Учитель говорил: «Надо всегда играть для кого-то». А Эдит Пиаф сказала до слез обижено: «Я пою не для всех, я пою для каждого». Вот наше вдохновение в этом «каждом».

Давайте для простоты и ясности говорить о гениях. В них прежде всего восхищает поразительная способность к собранности, к труду. Бах каждый день писал для своих студентов новую музыку, чтобы им было что играть. А мог бы дремать над клавирами в ожидании вдохновения. Ведь какая штука: пока не начнешь работать, не узнаешь — пришло вдохновение или нет. Эти люди работали, и поэтому к ним вдохновение приходило.

Надо каждый день работать. Работать строго, с достоинством, самоотверженно. Так меня воспитал Учитель.

Беседу вел
Э. ИВЛЕВ.